

мастер криминальных тайн

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Забывтый сон

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке
Вячеслава Коробейникова

В коллаже на обложке использованы фотографии:
vchal, Ilkin Zeferli, jgolby, conrado, Ints Vikmanis /
Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 **Забывтый сон / Чингиз Абдуллаев.** — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-096005-7

Тщательно подготовленное преступление расследовать очень трудно. А если оно произошло одиннадцать лет назад, то разоблачить преступника почти невозможно. Арманд Краулинь покончил с собой — такова официальная версия. Но его жена не сомневается — его убили. Она обращается к эксперту-аналитику Дронго. Никаких улик, свидетельствующих о хладнокровном и расчетливом убийстве, нет. Кроме, пожалуй, одной маленькой вещицы, которую она отдает Дронго.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096005-7

© Абдуллаев Ч.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Известно мненье одного ирландца,
что Бог, чей разум никогда не спит,
хранит в себе любое сновиденье, и
каждый сад, и всякую слезу. Невер-
ный день, и полутьма повсюду. Пой-
ми я, что осталось ото сна, который
снился мне, и что в нем снилось, я бы
понял все.

Хорхе Луис Борхес
«Забывтый сон»

Вместо вступления

Обычно все начинается с телефонного звонка, который разрывает тишину и переводит время в другое измерение. И на этот раз, когда зазвонил телефон, стало понятно, что кто-то уже знает о его возвращении в Москву...

Он прилетел из Рима прямым рейсом «Аэрофлота». Вообще в последнее время его привычки вдруг стали претерпевать неожиданные изменения. Раньше он предпочитал летать в Рим только «Люфтганзой» через Мюнхен или Франкфурт. Кроме известной немецкой авиакомпании, выбирал еще и «Бритишайруэйз», однако в последние годы стал пользоваться и другими авиакомпаниями, лишь бы добраться по прямой из одной точки в другую. Правда, не всегда короткий путь оказывался наиболее удобным. В последний раз в августе самолет

«Эйр-Франс» вылетел из Мадрида с трехчасовым опозданием и попал в невероятную «болтанку». В салоне невозможно было устоять на ногах. Он попытался подняться и чуть не упал. Рядом кричали и плакали пассажиры. Некоторые молились. Рейс из Мадрида в Париж оказался в связи с этим невероятно долгим, а когда они наконец приземлились, выяснилось, что пропал его чемодан. Чемодан нашли через несколько дней, но неприятный осадок от этого путешествия остался надолго.

Впрочем, в жизни стремительно меняется все, не только человеческие привычки. Прежние отели «Хилтон», когда-то служившие надежным ориентиром роскоши и высокого качества обслуживания, незаметно превратились в малопривлекательные гостиницы с плохим персоналом. Особенно в Великобритании, где корпорация купила сеть отелей «Стакис», переделав их в «Хилтон». Марки одежды, которые прежде Дронго нравились, стали чуть ли не символами халтуры. Одежда от Пьера Кардена, производимая в Турции и Китае, уже давно вызывает просто смех. Марка Ив Сен-Лорана в новом веке совсем утратила свою былую славу. Вместо роскошного и пышного Ферре в доме Кристиана Диора теперь царит молодежная мода, которую он не хочет понимать и принимать.

Проданы марки Кензо и Дживанши. Одним словом, мир вокруг стремительно меняется, как видоизменяются и сами города, в которых он живет. Меньше других, пожалуй, меняется Рим, по-прежнему сохраняющий очарование тысячелетних руин и отталкивающий своей обычной безалаберностью и бесхозяйственностью, из-за которых рассыпающиеся старые здания соседствуют с величественными памятниками древних веков.

А более всего за последние годы изменилась Москва, особенно в центре. Вместо прежней гостиницы «Интурист» возводят новое здание, а вместо прежней «Москвы», успевшей стать таким же символом города, как Кремль и Большой театр, образовалось пустое пространство. В газетах всерьез обсуждают возможность сноса и другой гостиницы — «Россия», бывшей таким же символом советской эпохи.

Дронго с грустью воспринимал подобные новости. Создавалось впечатление, будто сносят памятники его юности и молодости. Он хорошо помнил, как совсем маленьким приходил вместе с отцом на строительство гостиницы «Россия», как потом много раз останавливался в ней, приезжая в многочисленные столичные командировки, как встречался там с женщинами, которых любил. А теперь эта громада поче-

му-то должна исчезнуть, как канула в Лету легендарная «Москва», с которой тоже была связана большая часть его жизни.

Изменился и Баку. Старый город теперь превращен в царство новых офисов, где бессовестные строители возвели новые дома на месте столетних фундаментов, безжалостно уничтожив прежние строения. Самое обидное, что среди людей, получивших разрешение на строительство в старом городе, было много коренных жителей Баку, казалось бы, обязанных защищать его историческое и архитектурное наследие. Вокруг старого города тоже выросли новые дома. Бессовестная власть давила на архитекторов, заставляя их принимать и подписывать чудовищные по своему замыслу решения, когда перед двадцатиметровым памятником возникает новое здание или появляются высотки, которые заслоняют живущим по соседству людям солнце и небо. Безжалостно разрушаются продуманные площади и скверы, вырубаются деревья, сносятся старые бакинские дворы.

Дронго по-прежнему жил странной жизнью на три дома: в Риме его ждали Джил и дети, в Баку оставались родители, а в Москве у него была работа, которой он иногда позволял себе заниматься. В этом было что-то иррациональное, невозможное, но в то же время это была

единственно возможная ситуация, в которой он мог существовать, не опасаясь постоянно, что кто-то использует его родных и близких.

Иногда ему казалось, что жизнь, сложившаяся таким невероятным образом, может служить примером для других, как не нужно устраивать свою судьбу. Он часто встречал знакомых и друзей по прежней жизни, которые остались в прошлом. Иногда это бывали достаточно забавные, интересные встречи. Иногда — не очень. Образ его жизни требовал знания многих людей, их привычек, особенностей характеров, внимательного анализа их поступков. Но чем больше Дронго узнавал людей, тем более становился замкнутым и мрачным. Знания умножают скорбь — эту истину он усвоил еще много лет назад.

В этот вечер Дронго принял горячий душ и уселся в кабинете, чтобы проверить последнюю почту, поступившую по Интернету, когда раздался телефонный звонок. Он невольно поморщился, глянув на часы, поскольку не любил неожиданных звонков. Они всегда несут разрушение, выбивая из привычной колеи. Вот и теперь вроде бы никто не знает, что он прилетел в Москву, и тем более никто не должен звонить ему в половине десятого вечера. Никто, кроме...

Наконец он ответил. И услышал знакомый голос своего друга и напарника Эдгара Вейдеманиса:

— Здравствуй, Дронго.

— Добрый вечер. Откуда ты узнал, что я прилетел? Ты звонил Джил?

— Нет. Я сделал проще: позвонил твоему водителю и узнал, когда ты прилетаешь. Ты ведь по-прежнему не любишь сам садиться за руль. А Леня Кружков заказал для тебя ВИП-зал.

— Мне следовало догадаться, — ворчливо заметил Дронго, — кажется, я теряю квалификацию. Если так пойдет и дальше, придется предупредить водителя и Леню, чтобы никому не говорили о времени моего возвращения.

— Они никому и не говорят, — не обиделся Эдгар, — только мне. Они считают, что я единственный человек, которому ты иногда можешь доверять.

— Не нужно обижаться. Я говорю вообще и на будущее.

— А я говорю только о тебе.

— Знаю. Что-нибудь случилось?

— Я бы не стал тебя сегодня беспокоить, — сказал Эдгар, — но меня просили об этом звонке все последние дни. Точнее, две недели. Только я не хотел звонить тебе в Италию — ты так редко вырываешься к ним.

— Кто просил?

— Моя мать...

— Это серьезно, — Дронго, тяжело вздохнув, переложил трубку в другую руку. — У вас в семье проблемы?

— Нет. Слава богу, все нормально. К нам из Риги приехала сестра моей матери. Еще две недели назад. И привезла свою родственницу по мужу. Мы люди не сентиментальные, ты знаешь, но их история потрясла всю нашу семью...

— Это она хочет встретиться со мной?

— Да. И очень хочет. Уже две недели ждет, когда я ей позвоню, чтобы приехать.

— Она не в Москве?

— Нет. Вернулась в Ригу. Но у нее есть виза. Если ты разрешишь, я позвоню ей прямо сейчас, и завтра днем она будет здесь.

— Неужели это так срочно?

Вейдеманис чуть запнулся, словно решая, говорить ему или нет. Наконец сказал:

— У нее почти не осталось времени. Ты меня понимаешь?

— Не совсем. В каком смысле?

— Она больна. Тяжело больна. И ей нужна срочная встреча с тобой. Она искренне верит, что только ты сможешь ей помочь.

— Эдгар, что случилось? — ошеломленно спросил Дронго.

— Врачи считают, что ей осталось жить не больше двух или трех месяцев. От силы. Поэтому для нее очень важен каждый день. Но я не мог звонить тебе в Италию с такой просьбой.

Дронго оценил деликатность друга и его терпение.

— Хорошо, — согласился он, — завтра жду твою знакомую вместе с тобой. Не нужно было столько ждать, мог бы мне позвонить и рассказать обо всем.

Эдгар промолчал. Он вообще не любил лишних слов. И часто его молчание было красноречивее любых речей.

— Спасибо, — наконец произнес он, и Дронго положил трубку.

Он прошел в гостиную и включил телевизор. Через минуту должны были начаться последние новости. Дронго уселся на диван и откинул голову. «Все начинается с телефонного звонка», — в очередной раз подумал он...

Глава 1

На следующий день в три часа дня Дронго принимал в своей квартире Эдгара Вейдеманиса и пришедшую с ним женщину. На вид ей было не больше пятидесяти. Чуть выше среднего роста, изящная, хрупкая, с тонкими чертами лица, одетая в строгий темный костюм. Она подала ему сухую узкую ладонь. У нее были длинные аристократические пальцы и глубоко запавшие глаза с той грустинкой, которая бывает у обреченных больных. Дронго пожал руку госты и пригласил их в гостиную.

Он обратил внимание на то, как она прошла в комнату, как чуть заколебалась, выбирая, куда ей сесть — в кресло или на диван. Это был своеобразный тест хозяина квартиры. Индивидуалисты обычно предпочитают кресло, другие выбирают диван. Она посмотрела на диван и уселась в кресло. Эдгар, знавший об этом своеобразном тесте, усмехнулся и выбрал диван. Дронго уселся в кресло напротив.

— Простите, что вынуждаю вас заниматься моими личными проблемами, — несколько взволнованно и церемонно проговорила гостья.

— Мне рассказали, что вы хотели со мной увидеться, — Дронго внимательно следил за ее поведением. Она нравилась ему своей сдержанностью и интеллигентностью.

— Меня зовут Лилия Краулинь, — представилась женщина, — я приехала из Риги. — По-русски она говорила без характерного латышского акцента. Женщина взглянула на стоящие перед ней на небольшом столике бутылки и вдруг попросила: — У вас есть вода? Обычная вода, без газа?

— Конечно. — Дронго открыл бутылку минеральной воды «Виттель» и, наполнив стакан, протянул его гостье. Посмотрел на Эдгара, но тот отрицательно покачал головой.

— Извините, — она сделала только два глотка и поставила стакан на столик.

Дронго терпеливо ждал.

— Мне трудно об этом говорить, — вдруг призналась женщина. — Дело в том, что в девятнадцатом году погиб мой муж. Арманд Краулинь. Это случилось одиннадцать лет назад. Мне тогда было тридцать девять. — Она поправила волосы и продолжила: — Ему было сорок четыре, он был достаточно известный чело-

век не только в Риге, но и вообще в бывшем Советском Союзе. В молодости работал секретарем ЦК комсомола Латвии, потом мы поехали работать в Европу, как тогда говорили. В девяносто первом вернулись. Арманд начал заниматься бизнесом, и достаточно успешно. Однако затем начались проблемы. И в конце девяносто третьего его не стало... Мы прожили вместе почти двадцать лет. — Она взглянула на стакан с водой, но не дотронулась до него.

Дронго терпеливо ждал.

— Он повесился, — сообщила Лилия Краулинь, чуть запнувшись. Было заметно, как она волнуется. — Арманда нашли в доме его отца — в их прежней квартире. Полиция и прокуратура пришли к выводу, что это было самоубийство. Нашли его смятую записку, в квартире никого не было, двери и окна были заперты изнутри. Дверь открыли снаружи запасными ключами. Это сделали дежурный консьерж и пришедшая в этот момент к мужу сотрудница фирмы. Они и обнаружили Арманда. Я думала, что сойду с ума, не хотела никому верить, попала на два месяца в больницу, — женщина все-таки взяла стакан воды и сделала еще два глотка. — Все считали, что это было самоубийство. Все, кто там был. Ведь об этом свидетельствовали его записка, двери, запертые изнутри, си-